

ской железной дороги (конец XIX — начало XX вв.) / В. А. Сердюк // Вестник Омского ун-та. — 2012. — № 2. — С. 322–327.

4. Сердюк В. А. Формирование корпоративной этики машинистов железных дорог России в конце XIX — начале XX вв. / В. А. Сердюк // Омский научный вестник. — 2012. — № 5. — С. 56–60.

Информация об авторе

Шевченко Нина Петровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Красноярский институт железнодорожного транспорта — филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, 660028, Красноярск, ул. Новая Заря, 2, e-mail: shevchenko_nina@mail.ru.

Author

Shevchenko Nina Petrovna — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Humanities, Krasnoyarsk Institute of Railway Transport, branch of Irkutsk State Railway University. 2, Novaya Zarya st., Krasnoyarsk, 660028, e-mail: shevchenko_nina@mail.ru.

УДК 957.1

А.В. ШУМИЛОВ

ББК 63.3(253.5)

САМОСОЖЖЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ УРАЛА И СИБИРИ В XVII–XVIII ВВ. КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

В истории изучения раскола, одним из будоражащих умы ученых, и вместе с тем еще мало изученным, являются массовые самосожжения. Утверждение о том, всегда ли самосожжения можно считать формой социального протеста, остается до сих пор спорным. Очень важны хозяйственно-политические, социально-психологические предпосылки самосожжений. А так же не малую роль играют причинно-следственные связи «самоубийственных смертей» с идеологическими, эсхатологическими взглядами старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, раскол, самосожжения, гарь, скиты, пустыни.

A.V. SHUMILOV

SELF-BURNINGS OF URAL AND SIBERIA OLD BELIEVERS IN XVII–XVIII CENTYRIES AS FORM OF THE SOCIAL PROTEST

Mass self-burnings of old believers are a little researched in the history of the split studying however they excite the minds of scientists. The statement about, whether always self-burnings it is possible to consider as a form of a social protest, remains still disputable. Economic and political,

social and psychological prerequisites of self-burnings are very important. But the relationships of cause and effect of «self-destructive death» with ideological, eschatological views of Old Believers play not the small role at the same time

Keywords: staroobryadchestvo, split, self-burnings, ashes, monasteries, deserts.

Изучение материалов, связанных с урало-сибирскими горяями (самоожжениями) конца XVII — начала XVIII вв., показывает, что гибель в огне многих сотен людей «за веру» вызывалась в большинстве случаев не столько религиозным фанатизмом или массовым психозом, сколько стремлением народных масс оказать сопротивление феодально-крепостническому режиму, распространявшемуся на восточные окраины страны. Так, например, тюменские крестьяне, собравшиеся в 1687 г. «вверх по Тегеню речке за болотами на заимку в один двор к оброчному крестьянину к Оске Пахомову сыну Решетникову», отказывались разойтись по домам, «потому что-де розгнали их писец Лев Поскочин да софийской сын боярской Михайло Родионов: оброки-де хлебные и иные потуги наложены на них болшие, не в мочь... А буде-де станут нас из той заимки гнать, и мы-де все тут во дворе заждемся» [1, с. 14]. Самоуправство местной светской и церковной администрации выдвигали в качестве важнейшего побудительного мотива своих действий как жители Мехонской слободы, так и крестьяне д. Мостовки, грозившие самоожжением в 1679 г. [1, с. 221]. При этом последние, в духе традиционного наивного монархизма, просили царя в своей «сказке» прислать указ «за государевою печатью, чтоб та память у нас была впредь ради приказных людей, чтоб оне, приказные люди, к нам нагло не приезжали ради своая безделныя корысти и нас бедных не роззоряли, и к новой вере не приводили, и не нудили закащики и попы, бывшего Никона патриарха ученики» [1, с. 43].

Самоожжение осуждалось не только светской властью и официальной церковью, но так же и частью старообрядцев, которые справедливо видели в этом сознательную форму самоубийства и нарушение христианских заповедей. По свидетельству инока Евфросина, это прекрасно осознавали и сами организаторы самоожжений. «Вемы, — говорили они, — яко сей путь, нами изобретенный, самоожжения... несть евангельск, ни апостльск, якоже от неких слышахом, но мы изобретохом по времени, яко люто» [2, с. 81]. Исходя из этого, сторонники огненной смерти стремились как в теории, так и на практике подчеркнуть вынужденный и мученический характер этого акта, соответствующий условиям «гонительного антихристового царства». В свою очередь противники самоубийств утверждали, что самоожженцы своими проповедями везде и повсюду вызвали гнев официальной власти. От того все чаще и чаще стали издаваться указы, и посылаться военные команды для усмирения бунта и разгона лесных пустыней и скитов [3, с. 106].

Массовые самосожжения, как правило, всегда проводились по одному сценарию: «насмертники» оставляли свои жилища, скот, посевы и уходили на глухие заимки или строили в лесу специальные «хоромины», обычно называемые ими «скитами» и «пустынями». При этом совершался постриг в монахи (иногда перекрещивание) всех приготовившихся гореть. Одновременно представителям администрации передавались «противные письма» и «сказки», с ними велись «прения», иногда происходили даже вооруженные стычки с «посылычиками», целью которых было стремление спровоцировать соответствующие карательные акции со стороны властей, вплоть до штурма «пустыни». И лишь после этого поджигались заранее приготовленные порох, смола, пенька, береста и солома.

Следует обратить внимание на точку зрения самих «насмертников», не принимавших самосожжение как форму самоубийства. Существует два одновременных источника, дающих представление об «очистительном огне». Прежде всего, следует назвать уходящие своими корнями в глубокую древность индоевропейские представления «об извечном круге метаморфоз и о зависимости последующих превращений от земной жизни, в последний ее период в особенности», трансформировавшиеся у наших предков в ритуал «ухода на тот свет» [4, с. 80]. С этими же представлениями был тесно связан и институт инициации (обряд посвящения молодежи в зрелость), поскольку он также сопровождался ритуалами, символизировавшими переход из жизни в смерть и затем опять в новую жизнь. В результате переосмысления этих древнейших представлений одна из центральных идей данного комплекса, в соответствии с которой огонь наделялся особой очистительной силой и способностью переносить души умерших в загробный мир, превратилась у самосожженцев в идею о «втором неоскверняемом огненном крещении». Прошедшие через акт этого «крещения» получали мистическую возможность преодолеть огненную реку, являвшуюся одновременно и сказочно-мифологической границей между реальным и потусторонним миром, и апокалиптическим пламенем, от которого никто на земле не может укрыться. Последнее в эсхатологической картине мира старообрядцев, уверенных, что Антихрист уже царствует на земле, имело особое значение. Другими словами, подобно тому, как Христос «смертию смерть попирал», участник самосожжения огонь огнем побеждал.

В ритуальном плане так же прослеживается связь действий самосожженцев с архаичными языческими символами и обрядами, хотя конечно и не осознавалась старообрядцами. Это и выбор уединенного места (обычно в лесу), и строительство особых «хоромин», которые можно соотнести с огненной «крадой» и домовиной («избой смерти») — неизменными атрибутами трупосожжения в погребальной обрядности древних славян, и использование некоторых материалов (соломы, конопля и т.п.), архаическая сакральная семантика которых не вызывает сомнения [2, с. 82].

Другим источником некоторых ритуальных действий самосожженцев являлось символическое переосмысление событий 60–70-х гг. XVII в., связанных с Соловецким монастырем. Соловецкое осадное «сидение» и последовавшая за ним гибель его участников от рук «антихристовых слуг» становилось одновременно и символом, и безусловным образцом для подражания, включенным в эсхатологическую ситуацию конца XVII в. и скорректированным практикой самосожжений.

Наиболее ярко это тайное священнодействие проявилось в двух Палеостровских горях, 1687 и 1688 гг., организованных соловецкими выходцами Игнатием и Германом. В контексте сказанного выше становится понятными и выбор места будущей кровавой мистерии (расположенный на острове, окруженном со всех сторон водами Онежского озера, старинный северно-русский монастырь), и массовый постриг в монахи, и создание немалых запасов оружия, продовольствия и «святости» (книг, икон и церковной утвари), и, наконец, настоящие военные действия с пушечной стрельбой, завершившиеся массовой гибелью осажденных [2, с. 83].

Местные жители острова Палей объясняли, что его название произошло из-за отличного лова здесь ценной рыбы палий. На острове Палей некогда стоял Палеостровский монастырь. По преданию его основал в XII в. инок Корнилий, уроженец Пскова, живший в пещере меж каменных глыб, а в последствии на этом месте появились монастырские здания. Легенда не подтверждена документально, но монастырь действительно является одним из древнейших в крае, относится к XV в. Там жил инок Зосима, будущий основатель Соловецкого монастыря. К концу XVI в. монастырь разросся — 3 церкви, жилые и хозяйственные постройки, прочная ограда, а во времена Смуты обитель разорили, и она почти обезлюдела. Монастырь дважды захватывали раскольники, а в 1680 г. здесь произошли самые массовые раскольнические самосожжения (от 270 и до 5 000 чел.) [5, с. 17].

Мистерияльная связь между соловецкими и палеостровскими событиями уже в XVIII в. осознавалась выговскими писателями. Так, например, Иван Филиппов в «Истории Выговской пустыни» вполне сознательно выдвинул версию о том, что пожары в Палеостровском монастыре в обоих случаях начались от горящих свечей, сбитых пушечными ядрами, ибо собравшиеся здесь «сами не хотяху умерети... понеже не на страдальчество, но на мучительство помазашася». Такая постановка вопроса позволяла уравнивать соловецких и палеостровских «сидельцев» в их мученической кончине, что, собственно, и сделал сам Филиппов, сославшись на свидетельство «некоего мужа», жившего в Соловецком монастыре еще до осады и читавшего здесь в какой-то рукописной книге «пророчество таково: в последняя времена на конец века в Обонежских странах на Онеге езере в Палеостровском монастыре болши Соловец-

кой обители будет святых спасаемых. Сие самовидно делом оное пророчество збылось». Если в Соловецкой обители «кровию мученическою свое древлецерковное благочестие запечатлеша» около пятисот человек, то «в Палеостровском монастыре в тое же лютое гонительство при нашествии гонителей, в дву собраниях с соловецкими отцы к двум стам четыре тысячи огнем скончашася» [3, с. 59–60].

В какой-то степени аналогом палеостровских событий можно считать и Тегенскую гарь, состоявшуюся 24 октября 1687 г. в Тюменском уезде и унесшую около трехсот жизней. Подготовка к ней началась еще в июне, т.е. спустя примерно три месяца после первой Палеостровской гари. Здесь так же присутствуют все признаки перечисленных выше мистерий: пришлые старцы-организаторы, укрепленная «пустынь» на лесной заимке с массовым монашеским постригом участников акции, безуспешные попытки уговорить собравшихся разойтись, «расколное письмо» с отказом повиноваться властям, вооруженные вылазки, присылка на заимку воинских отрядов, осада и, наконец, страшная «огненная смерть» [2, с. 121].

Реакция властей на массовые самосожжения была неоднозначной. Если руководство церкви обычно настаивало на решительных мерах, то местные воеводы зачастую готовы были идти на уступки и компромиссы. Последнее обстоятельство нередко приводило к тому, что угроза устроить самосожжение становилась довольно эффективным средством воздействия крестьян на местную администрацию. Так это было, например, в Мостовке и в Мехонской слободе в 1679 г., на р. Юрмыче в 1687 г. и в других местах. Более того, самосожжения перестают быть специфически старообрядческой формой протеста. Показателен в этом отношении случай с крестьянами д. Онохиной Тюменского уезда, отказавшимися всем миром выдать властям в 1689 г. одного из своих товарищей, убившего местного приказчика: в случае насилия со стороны администрации они грозились устроить гарь, в результате чего их оставили в покое [2, с. 85].

К началу XVIII в. сибирские воеводы успели привыкнуть и к угрозам самосожжений, и к самим гарям, некогда так их шокировавшим. Теперь в «памятях» начальникам карательных отрядов, направляемых на подавление крестьянских выступлений, с большим знанием дела учитываются все возможные действия непокорных, в том числе вооруженное сопротивление и угроза самосожжения, даются соответствующие рекомендации тактического характера.

Таким образом, самосожжение предстает перед нами как явление сложное, переплетавшее в себе разновременные напластования идеологического, социально-психологического и обрядово-ритуального характера. Вместе с тем под воздействием экономических и социально-политических факторов оно постоянно эволюционирует, теряя как форма социального протеста специфические конфессиональные черты.

Список использованной литературы и источников

1. Дополнения к актам историческим. — СПб. : Типография Э. Праца, 1867. — Т. 10. — 468 с.
2. Шашков А. Т. Избранные труды / А. Т. Шашков ; отв. ред. И. В. Починская. — Екатеринбург : Баско, 2013. — 736 с.
3. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест Урало-Сибирских крестьян — старообрядцев в XVIII в. / Н. Н. Покровский ; отв. ред. С. О. Шмидт. — Новосибирск : Наука, 1974. — 392 с.
4. Велицкая Н. Н. Формы трансформации языческой символики в старообрядческой традиции / Н. Н. Велицкая // Традиционные обряды и искусство русского и коренного народов Сибири. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 78–85.
5. Родина. — 2000. — № 10. — С. 14–22.

Информация об авторе

Шумилов Александр Владимирович — аспирант, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: afbn@mail.ru.

Author

Shumilov Alexander Vladimirovich — PhD student, Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: afbn@mail.ru.